

—

Хо Шу обернулся и закрыл окно, и в комнате сразу стало немного теплее.

«Окна широко распахнуты, ты не боишься простудиться».

Таоюй снял с головы мягкую на ощупь шапку, погладил пушистый мех и поднял лицо: «Шапка с ушами, откуда ты её взял?»

«Увидел в городе днём, прихватил по случаю».

Таоюй, услышав это, радостно прижал шапку к груди.

Хо Шу, видя, что ему нравится, смягчил взгляд: «Ты оставил мне записку, чтобы я пришёл, что-то хотел сказать?» Таоюй увидел, что волосы и одежда Хо Шу покрыты мелкими каплями воды, достал полотенце, подвинул угольный горшок ближе к нему и налил стакан горячей воды.

Хо Шу, глядя на суетящуюся по комнате, но не отвечающую фигуру, спросил: «Чего-то не хватает?»

«Вытрись».

Таоюй протянул полотенце.

«Немного дождя, ничего страшного».

«Сейчас ты в расцвете сил, так что можешь растрачивать здоровье, но потом пожалеешь».

Хо Шу взял полотенце и сказал: «Раз уж ты так заботишься о моём здоровье, почему же ты заставил меня идти под дождём в такой час?»

Таоюй, услышав это, поджал губы и недовольно сказал: «Если тебе не хотелось приходить, то и не приходил бы».

Хо Шу, видя надутого человека, не удержался и ткнул пальцем в его белое лицо. В момент прикосновения его подушечки пальца он ощутил ту мягкость, которую представлял.

Таоюй оттолкнул руку Хо Шу.

«Не то чтобы не хотелось, я просто дразнил тебя».

«Знаешь, что я не видел тебя несколько дней, а всё равно говоришь такие неприятные вещи».

Таоюй надул губы, чувствуя, что только он один беспокоится.

Хо Шу, видя, что тот отвернулся, немного подвинулся: «Не сердись, я же купил тебе шапку».

Таоюй, услышав это, взглянул на шапку с ушами в своих объятиях и не удержался, снова погладил мягкий короткий кроличий мех.

«Тогда... тогда завтра ты отвезёшь меня в город».

Хо Шу слегка нахмурился: «Зачем в город?»

«На улице говорят о бандитах, я так давно не был в городе. И ещё, мама сказала, что самой шить свадебный наряд некогда, нужно ехать в город, в магазин тканей, чтобы снять мерки и выбрать материал».

Таоюй посмотрел на Хо Шу: «Твоё готово?»

«Нет».

Хо Шу, глядя на кокетливого гера, сказал: «Тогда поедem в магазин тканей «Десять ли», заодно и У Ляньхэ сообщим о нашей свадьбе».

Таоюй, видя, что Хо Шу согласился, тут же снова обрадовался.

«Завтра утром во сколько и где встретимся?»

Хо Шу, слушая стук дождя по окнам, не знал, будет ли завтра дождь.

«Я завтра утром заеду за тобой».

Таоюй, услышав это, прищурил глаза.

На следующий день, ещё до рассвета, Таоюй вынул из постели тёплую грелку, а когда кровать остыла, стиснув зубы, встал.

Умывшись, он перерыл все зимние вещи, выбрал более или менее подходящую куртку, а затем покопался у туалетного столика.

Наконец, завязав накидку, он понял, что зря выбирал одежду.

Видя это, Таоюй повернулся перед бронзовым зеркалом и снова расстегнул накидку.

Когда он наконец собрался и вышел из комнаты, уже рассвело.

Этим утром дождя не было, но небо всё ещё было затянуто серой дымкой, не очень яркое.

Хуан Маньцзин, неся завтрак, увидела гера в светло-голубой куртке, с аккуратно убранными волосами и нефритовой шпилькой.

Она озадаченно взглянула на него: «Почему ты сегодня так нарядился, хотя дома?»

Таоюй стрелой подбежал, взял у Хуан Маньцзин тарелку с завтраком и пошёл в парадную комнату: «Есть, есть».

Хуан Маньцзин покачала головой и позвала Цзи Янцзуна на завтрак.

Рано утром Да Ню, съев две булочки, был отправлен Цзи Янцзуном в соседнюю деревню, чтобы заказать кур и уток для банкета.

Семья из трёх человек сидела за одним столом, каждый со своими мыслями.

Хуан Маньцзин думала, чего ещё не хватает в приданом Таоюя и как это приобрести.

Цзи Янцзун планировал, сколько блюд должно быть на банкете и где покупать скот.

Пока все трое были погружены в свои размышления, снаружи вдруг послышался стук в дверь.

«Кто там, так рано утром?»

Цзи Янцзун опустил булочку, только собрался встать и посмотреть, как увидел, что за ним следует «хвост».

Он хотел было сказать: «Ешь спокойно», но тут увидел Хо Шу, вошедшего во двор.

Цзи Янцзун добродушно спросил: «Почему ты пришёл? Что-то случилось?»

«Я отвезу Таоюя в город, чтобы купить свадебную одежду».

Не дожидаясь, пока Цзи Янцзун скажет, можно или нельзя, Таоюй бросился в дом: «Сейчас, я возьму накидку и приду».

Цзи Янцзун закашлялся и сказал Хо Шу: «Заходи, позавтракай с нами».

«Я уже поел».

Через мгновение Таоюй вернулся, неся накидку, и выскочил из-за спины отца к Хо Шу: «Я вернусь, как только сниму мерки в магазине тканей».

Хуан Маньцзин вышла следом, видя, что они, казалось, не особо много общались, но были близки.

Цзи Янцзун махнул рукой: «Идите скорее и возвращайтесь пораньше».

Проводив их за дверь, Хуан Маньцзин только тогда сказала: «Ты действительно разрешил Сяо Таоцзы пойти с ним, не боишься, что в деревне начнутся сплетни?»

«Что тут скажешь? Боюсь, они этого не скажут. Не говоря уже о том, что они уже обручены, а банкет будет восьмого числа, меньше чем через месяц. Я не верю, что Хо Шу будет так же жалеть, как семья Юй».

Хуан Маньцзин подумала, что это тоже верно, и больше ничего не сказала. Они вдвоём вернулись в дом.

«Я говорю, что с утра он нарядился, как цветок, оказывается, чтобы пойти в город с Хо Шу».

«Но, кстати, как он узнал, что Хо Шу приедет за ним?»

«Этот ребёнок...»

Выйдя из дома Цзи, Хо Шу посмотрел на гера в светлой куртке, идущего впереди, и протянул руку, чтобы остановить его.

Таоюй резко обернулся: «Что случилось?»

Хо Шу взял накидку из его рук, слегка наклонился и завязал её: «На улице немного холодно, надень».

Таоюй, услышав это, больше не двигался, позволяя Хо Шу накинуть на него накидку, а его грубые, неуклюжие руки завязали на его шее не очень красивый узел.

Хо Шу слегка похлопал по более тёмной, чем куртка, накидке и надел на Таоюя капюшон.

«Несколько дней шёл дождь, дорога грязная, поедem на лошади».

Таоюй, услышав это, сразу немного запаниковал: «Но... но я ещё не умею ездить».

«Ничего страшного».

Сказав это, Хо Шу подтянул большого чёрного коня к двери и осмотрел седло.

Таоюй, видя, что ехать на этой лошади неизбежно, немного расстроился, но ничего не мог поделать и медленно приблизился к большому чёрному коню.

Только он собрался подняться, как что-то сдавило его талию, он повернул голову, чтобы посмотреть на Хо Шу, и в тот же миг оказался на лошади.

Таоюй почувствовал под собой сильное живое существо, и тут же всё его тело напряглось, он заметался, не зная, за что ухватиться: за поводья или за рукоять седла.

Когда его маленькое личико побледнело, порыв ветра пронёсся мимо его щеки, а затем словно тяжелая стена выросла сзади и в одно мгновение удержала его на месте.

Таоюй обернулся и столкнулся с чуть небритым подбородком Хо Шу, он моргнул, и его сердце бешено заколотилось.

Хо Шу протянул руку и схватил поводья, его рука лишь слегка поднялась, а плащ свисал с одной стороны. Таоюй был полностью окутан его телом, и, глядя сзади, было совершенно незаметно, что впереди кто-то сидит.

Только лицом к лицу можно было увидеть гера, который был ниже Хо Шу.

Хо Шу направил лошадь вперёд, слегка опустил глаза и посмотрел на гера, который крепко сжимал губы и невинно, пристально смотрел на него: «Всё ещё боишься?»

Таоюй сейчас чувствовал себя так, будто, если бы он отпустил руки, державшие седло, он бы

чувствовал себя так же безопасно, как будто лежит в своей постели.

Таоюй: «Только так нехорошо».

«Нет ничего плохого. В следующем месяце мы будем спать в одной постели, что такого в том, чтобы сейчас ехать верхом?»

Лицо Таоюя резко покраснело: «Кто... кто собирается спать с тобой в одной постели?»

Хо Шу смотрел вперёд: «Если не спать со мной, зачем тогда жениться?»

Таоюй, услышав этот аргумент, широко раскрыл глаза.

Эти слова звучали так, будто он жаждал чего-то от него, или будто он получил выгоду.

Он молча продвинулся немного вперёд, чтобы выразить своё недовольство.

Однако, только его задница немного продвинулась вперёд, как одна рука обхватила его за талию и притянула обратно.

Таоюй шевельнул глазами: «Отец сказал, что ты приготовил много приданого, откуда у тебя столько денег?»

«Ещё не женился, а уже хочешь распоряжаться моими деньгами».

Таоюй оглянулся и бросил на Хо Шу свирепый взгляд: «Кто хочет распоряжаться твоими деньгами? После того, как мы поженимся, каждый... каждый будет тратить свои деньги!»

Хо Шу отвел взгляд и посмотрел на гера: «Ты уверен?»

Таоюй тут же задумался о своих расходах. Если не быть жадным до еды, то... возможно, он и не потратит много денег.

Даже если не хватит, но раз уж он это сказал, то придётся стиснуть зубы и кивнуть.

«Тогда ты не жалуйся потом, что я плохо к тебе отношусь и не даю денег».

«Дело двух людей, я... я не буду жаловаться».

В глазах Хо Шу мелькнула улыбка. На главной дороге через лес стало намного ветреннее, он крепче обнял человека в своих объятиях, слегка согнул тело и положил подбородок на плечо Таоюя.

Таоюй почувствовал приближение Хо Шу и сидел прямо, глядя на туманное пространство впереди, не смея пошевелиться, его лицо сильно покраснело.

Он чувствовал, что хотя Хо Шу всегда был с хмурым и свирепым холодным лицом, его тело было очень тёплым, и ему совсем не было холодно, сидя здесь верхом.

Хотя тело было тёплым, в душе всё ещё было немного холодно. Хо Шу не только не позволял ему распоряжаться деньгами, но и действительно согласился, что после свадьбы каждый будет тратить свои деньги. Какой бессердечный мужчина.

После свадьбы он определённо не сможет больше просить денег у родителей, тогда ему придётся самому делать больше лекарственных мазей и продавать их в городе, чтобы заработать немного карманных денег.

Думая, что после свадьбы он будет жить ещё хуже, чем до свадьбы, ему было просто жалко себя.

Таоюй молчал какое-то время, затем вдруг сказал: «Тогда я тоже не буду тебе готовить. Каждый сам за себя».

Хо Шу спросил: «Тогда, может, и спать будем каждый по отдельности?»

Таоюй замер, если так, то это будет похоже на то, что они не женаты.

Но это он хотел так чётко всё просчитать, можно ли винить его?

Он выпрямился ещё больше: «Но...»

Не успел он договорить, как Хо Шу вдруг снял мешочек с деньгами: «Возьми деньги, то, что я сказал раньше, не считается».

Таоюй прищурил глаза: «О? Опять передумал?»

Он взял мешочек, с улыбкой поджал губы, но этот мешочек был не очень большим, и, потрясая его, он не почувствовал, что он тяжёлый.

Таоюй был немного любопытен к богатству Хо Шу, он прижался к человеку сзади и поспешно

открыл мешочек. Но, взглянув, он тут же закрыл его и недоверчиво повернул голову к Хо Шу.

«Ты... почему у тебя так много денег!»

Мешочек был не тяжёлым, но внутри были не медные монеты и не серебро, а золотые бобы!

Один лян серебра можно было обменять на тысячу медных монет, а один лян золота — на десять лян серебра.

Здесь было не менее пяти-шести лян золота!

Таоюй прищурил глаза. Этот парень действительно хорошо прятался. Он не заботился о своей внешности и всегда говорил, что у него нет денег. Его маскировка была действительно хороша.

«Должно хватить на некоторое время, не нужно же каждому готовить самому, верно?»

Таоюй повесил мешочек на свой пояс, его глаза сияли хитростью.

Он, казалось, всё ещё не был очень доволен: «Раз уж ты так говоришь, тогда ладно».

Хо Шу посмотрел на действия гера, и в его глазах мелькнула улыбка.

По пути им почти не встречались люди, а если и встречались, то Таоюй полностью завернулся в плащ, оставив видными только глаза.

Другие не могли понять, кто это, да и Хо Шу сидел сзади, его лицо было суровее, чем зимний ветер, и никто не осмеливался вытянуть шею, чтобы посмотреть.

Только подъехав к городским воротам, они увидели толпу людей.

Хо Шу спешил с лошади и снял Таоюя.

Они вдвоём подошли и обнаружили, что у городских ворот вывесили объявление.

Бандиты в городе Тунчжоу после месячной погони властей наконец-то были пойманы.

Однако не все были арестованы, часть уже сбежала из города Тунчжоу, на границе усилили патрулирование и оборону, так что на некоторое время это не должно было вызывать опасений.

Теперь также были возвращены многие ценности, и пострадавшие жители могли обратиться в правительство, чтобы забрать их.

Все, получив эту новость, обсуждали её, говоря, что теперь можно спокойно провести Новый год.

«Не знаю, вернули ли зерно из деревни Фань».

Таоюй, втянув голову в плечи, сказал это, а человек, наблюдавший за шоу, подошёл и пробормотал: «Столько бандитов, едят по три раза в день, всегда нужно зерно. Говорят, что правительство вернуло только половину зерна, а остальное должны были доплатить жители деревни Фань».

Таоюй, услышав это, нахмурился. Половина плюс двадцать процентов зерна — это тоже немалая сумма, деревне Фань действительно не повезло.

Объявление висело у городских ворот, поток людей был велик, и новость быстро распространилась по близлежащим деревням.

На некоторое время затихшие деревни, казалось, снова ожили, а город, похоже, стал немного оживленнее, чем раньше.

Они вдвоём, посмотрев объявление, направились прямо в магазин тканей «Десять ли». Таоюй, который так давно не был в городе, глядя на скопление людей, некоторое время не мог привыкнуть.

Он немного прижался к Хо Шу, осторожно поднял руку и прикоснулся к тыльной стороне его ладони.

Хо Шу почувствовал тепло на тыльной стороне ладони, опустил глаза и взглянул на гера с покрасневшими ушами, затем вдруг повернул руку, взял ладонь Таоюя и крепко сжал её в своей.

Таоюй поднял глаза на Хо Шу, не сдерживая улыбки на губах и в уголках глаз, и также рукой непроизвольно ухватился за его руку, его сердце радостно трепетало.

Возможно, новости из города распространялись быстрее, и о подавлении бандитов стало известно раньше, так что в магазине тканей стало больше людей.

Они попросили служащего передать сообщение У Ляньхэ и ждали её в тёплой комнате.

«Женитесь?!»

У Ляньхэ, узнав эту новость, была одновременно удивлена и обрадована, это было неожиданно, но в то же время казалось вполне логичным.

Таоюй немного смущённо сказал: «Мы пришли сегодня снять мерки для свадебных нарядов, заодно и сообщить об этом тебе, сестра У Сань».

«Это хорошая новость!»

У Ляньхэ взволнованно сказала: «Когда будет банкет, я не знаю, смогу ли приехать, но чем могу помочь, так это сшить вам свадебные наряды, это будет от всего сердца».

«Хорошо!»

Таоюй поспешно согласился, затем повернулся к Хо Шу: «Можно?»

Хо Шу тоже кивнул.

У Ляньхэ видела, что Хо Шу был суровым, но к Таоюю относился с покорностью.

«Тогда давайте выберем материал, раньше бандиты сильно шумели, и бизнес в магазине тканей тоже шёл не очень хорошо. А теперь, когда правительство вывесило объявление, владелец воспользовался случаем и достал все лучшие материалы из своих закров. Вы пришли рано, так что есть много вариантов на выбор».

Услышав это, Таоюй был очень заинтересован, и они вдвоём собирались выбрать материал, но вдруг обернулись и обнаружили, что Хо Шу всё ещё стоит в стороне: «Пошли».

Хо Шу действительно ничего не понимал в этих вещах, помимо цвета и толщины, он не видел особой разницы, поэтому сказал: «Иди сам».

Таоюй надул губы, он действительно был невосприимчив к прекрасному.

Он подошёл и похлопал по мешочку, тихо сказав Хо Шу: «Если ты не пойдёшь, я потрачу твои деньги впустую».

Хо Шу поднял бровь: «Трать впустую, потом будем есть мякину».

Таоюй прищурил глаза.

«Вы идите, а я схожу, чтобы выбрать лук и стрелы для Чжао Пана. Я хотел сам сделать ему лук, но после возвращения не было времени на покупку материалов».

Таоюй, услышав это, ответил: «Тогда я буду ждать тебя в магазине тканей».

У Ляньхэ у двери не знала, о чём они перешёптывались, пока Таоюй не подошёл один:

«Пошли выбирать, он в этом не разбирается».

У Ляньхэ рассмеялась: «Мужчины, в основном, такие».

Хо Шу вышел из магазина тканей и нашёл мастерскую по изготовлению луков и стрел. В городе Тунчжоу не так много магазинов, специализирующихся на продаже луков и стрел. В основном, они продаются вместе с ножами и седлами, не так, как в Северных регионах, где магазин луков можно встретить каждые три-пять шагов.

Самая большая мастерская луков в городе называлась Цзюйаньфан, она имела разнообразный ассортимент, роскошный интерьер, и сюда любили приходить богатые чиновники.

Снаружи постоянно заходили и выходили многие охотники.

Хо Шу, войдя, сразу же был встречен работником, он махнул рукой, чтобы тот занялся своими делами, без нужды в объяснениях, он сам разобрался в качестве луков и стрел.

Для новичка, такого как Чжао Пан, который только учится стрельбе из лука, не нужен слишком хороший лук и стрелы, достаточно того, что удобно.

Выбрав несколько штук и проверив натяжение тетивы, Хо Шу почувствовал, что за ним следят.

Он ничего не сказал, отложил лук и поднялся на второй этаж, убедившись, что взгляд следует за ним.

Хо Шу взял бамбуковую ветку без наконечника, натянул её на тетиву и, резко обернувшись, выпустил её в сторону взгляда.

Свистнул, бамбуковая ветка пролетела мимо лица и воткнулась в мишень.

«Хо Бэйху*! Это действительно ты!»

[*百戶 bǎihù — сотник, командующий сотней в армии.]

Чуть не подстреленный человек, глядя на бамбуковую ветку, воткнувшуюся рядом с мишенью, не разозлился, а, наоборот, его глаза засияли: «Твоя меткость по-прежнему превосходна!»

Хо Шу посмотрел на молодого человека с довольно аккуратными бровями, но очень загорелого, примерно двадцати с небольшим лет.

Судя по его обращению, они, должно быть, были знакомы, но у него не было никаких воспоминаний об этом человеке.

«Кто ты?»

Мужчина радостно подбежал, поспешно представившись:

«Меня зовут Гэ Лян, я из деревни Хунли под городом Тунчжоу. Шесть лет назад я записался в армию и отправился на северную границу».

Хо Шу, услышав это, действительно понял, что он тоже был солдатом Северного региона.

Он немного ослабил бдительность и спросил: «Из какого лагеря?»

«Я из четвёртого лагеря под командованием заместителя генерала Ма».

«Как ты меня узнал?»

В армии тысячи солдат, и немногие из них были знакомы, когда попали на передовую.

В то время Хо Шу тоже был под командованием заместителя генерала Ма, но он был из третьего лагеря. Хотя они были рядом с четвёртым лагерем, но в каждом лагере было более тысячи человек, и ежедневные тренировки и быт были отдельными.

Поэтому даже два соседних лагеря не обязательно знали друг друга.

Гэ Лян почесал затылок, немного смущённо сказав: «Хо Бэйху, возможно, уже не помнит меня, мы встречались тогда».

Несколько лет назад Гэ Лян был призван в армию, новобранцев всегда обижали, а он, будучи худым и слабым, ещё больше подвергался притеснениям.

Проведя несколько месяцев в казармах, он почти ни разу не ел досыта, тренировки тоже оставляли желать лучшего, а тут ещё и несчастье — война на передовой.

Такой новобранец, не имеющий ни связей, ни поддержки, был отправлен прямо на передовую на верную смерть.

Как раз тогда, когда третий лагерь понёс тяжёлые потери, Хо Шу, который уже был опытным солдатом, вернулся с передовой, чтобы набрать людей в четвёртом лагере. Увидев его худого и слабого, он прямо заявил, что проверит его навыки стрельбы из лука и верховой езды. Увидев, что он плох в обоих, он отругал того, кто отправил его на верную смерть, и тут же заменил его.

После этого его перевели в тыловую кухню, что спасло ему жизнь.

В то время Гэ Лян был удивлён, ведь Хо Шу был всего лишь обычным солдатом третьего лагеря, командовавшим не более чем десятком человек. Почему он пришёл в четвёртый лагерь, чтобы ругать таких же обычных солдат, и те, как перепела, не смели возразить, а слушались его.

Старый солдат тогда рассказал ему, что Хо Шу не только пробыл в армии несколько лет, но и родился в Северном регионе, был храбрым и умелым воином. Хотя он был всего лишь рядовым, его навыки стрельбы из лука и верховой езды были первоклассными, не уступая командирам.

У него был скверный характер и холодный нрав, он не хотел угождать, поэтому не продвигался по службе.

Высшие чины любили тех, кто умел льстить, но на поле боя им всё же нужен был такой умелый воин, как Хо Шу. Хотя ему не давали власти, они всё равно старались его расположить.

Люди внизу, естественно, не осмеливались его провоцировать. Если бы дело дошло до высших чинов, они бы определённо встали на сторону того, кто умел сражаться за них.

Гэ Лян сказал: «После этого случая они все думали, что я старый знакомый Хо Бэйху, и больше не осмеливались меня обижать. Я провёл несколько лет на кухне, не только редко бывал на передовой, но и пользовался расположением других солдат. То, что я смог дожить до конца войны и вернуться домой, полностью заслуга Хо Бэйху».

«Я всегда хотел поблагодарить тебя лично, но, к сожалению, мои возможности были ограничены, и в армии нельзя было свободно передвигаться. Мне не представилось случая снова встретиться с Хо Бэйху. Я мог лишь урывками слышать, что ты получил повышение до сотника, и совсем не ожидал, что после войны однажды встречу тебя в Тунчжоу».

Хо Шу, услышав слова Гэ Ляна, действительно вспомнил его в мельчайших деталях.

«Тогда твои навыки верховой езды и стрельбы из лука были действительно плохи. Если бы я выбрал слишком плохого человека для передовой, я бы не получил никакой помощи. А если бы новобранец погиб, я бы тоже не получил много пользы. Тебе совсем не стоит об этом беспокоиться».

Гэ Лян, услышав это, не рассердился, а наоборот, засмеялся. Его речь, как и прежде, была

такой же неприятной.

«Но как бы то ни было, случайно или нет, я смог вернуться в Тунчжоу, и это тоже благодаря Хо Бэйху».

Хо Шу слегка кивнул: «Хорошо, что ты жив».

Гэ Лян спросил: «Почему Хо Бэйху не вернулся в столицу с армией, чтобы получить награды? Почему он в Тунчжоу?»

Раз уж они старые знакомые, можно сказать, что у них есть некоторые братские узы, поэтому Хо Шу коротко рассказал Гэ Ляну о причине своего приезда в Тунчжоу.

Гэ Лян, узнав о гибели Чжао Чансуя, тоже вздохнул с сожалением. Подумать только, они были земляками, но не смогли узнать друг друга в армии.

Ему уже повезло, что он остался жив.

Теперь, когда он покинул Северный регион, Хо Шу не хотел больше погружаться в прошлое. Теперь у него был человек, которого он хотел защитить ценой своей жизни, и у него появилась надежда на будущее.

«Я сейчас в деревне Минсюнь, женюсь в начале следующего месяца восьмого числа. Если будет время, можешь прийти выпить вина на свадьбу».

Гэ Лян широко раскрыл глаза и был очень удивлён: «Хо Бэйху собирается обосноваться в Тунчжоу, это прекрасно! Деревня Минсюнь не может быть ближе к нашей деревне!»

«Осмелюсь спросить, какая семья имеет такую удачу?»

«Семья старосты Цзи».

Гэ Лян ещё шире раскрыл глаза: «Гер семьи Цзи!»

—